

Жуань Цин заговорила о своем прошлом. Она родилась в Цзюцзя-цунь и в юности слыла первой красавицей. Грамота давалась ей легко, а с Мочжу-кэ они и вовсе были не разлей вода — типичные «детские привязанности». Дело уже шло к свадьбе, как вдруг Мочжу-кэ заявил, что передумал жениться, и запер перед ней двери. Она так и не поняла, что произошло, и, убитая горем, подчинилась воле семьи, выйдя за Лю Юаня. Предки Лю Юаня были людьми учеными, и в Цзюцзя-цунь его семья считалась весьма уважаемой.

Поначалу жизнь в браке казалась мирной. Вскоре Жуань Цин забеременела и с радостью ждала первенца, но Лю Юань внезапно сблизился с Ли Фугуем и Лу Чаном. Эта троица только и думала о том, как бы прибрать к рукам сестер Гао. Она и представить не могла, насколько мерзким окажется ее муж. Но горше всего было узнать правду: Мочжу-кэ расторг помолвку, потому что Лю Юань подкупил его, пообещав помочь получить звание цзюйжэня.

Ослепленная яростью и отчаянием, Жуань Цин оступилась на лестнице и потеряла ребенка. Лю Юань, вместо того чтобы утешить жену, набросился на нее с побоями. Травмы оказались настолько тяжелыми, что она больше никогда не смогла зачать. Все эти годы он на людях разыгрывал благородного мужа, а дома при малейшем недовольстве вымещал злость на супруге.

Жуань Цин поправила выбившуюся прядь у виска и наконец улыбнулась. Это выглядело печально, но пленительно — даже годы страданий не смогли скрыть былой красоты.

— Я сказала всё, что должна была. Можете вести меня в Люшаньмэнь.

Жун Жо задумчиво коснулся шкатулки с ядовитыми насекомыми гу.

— Вы упомянули, что госпоже Лу не по карману дорогостоящие яды из Мяоцзяна. Но, насколько мне известно, на Призрачном рынке такие насекомые стоят от тысячи лянов серебром, и чем они прозрачнее, тем дороже. Те, что в вашей шкатулке, обошлись минимум в десять тысяч. Позвольте спросить: откуда у вас такие деньги?

Жуань Цин на мгновение замерла и виновато отвела взгляд.

— Неважно, где я их взяла. Гу купила я, и Лю Юаня убила тоже я.

Жун Жо чувствовал, что она что-то недоговаривает.

— А Мочжу-кэ? Его тоже убили вы?

— Мы договорились об этом с госпожой Лу, — бесцветным голосом ответила Жуань Цин. — Она поручила дело Гао Ли.

— Но госпожа Лу уже признала вину, — заметил Жун Жо. — Зачем же вам теперь сознаваться?

— Не хочу уносить тайны в могилу. И больше всего на свете не хочу, чтобы после смерти меня похоронили рядом с Лю Юанем.

Ее ненависть к мужу была подлинной, как и само убийство. Однако в истории с ядом явно зияли пустоты. Жун Жо взглянул на Цзян Ехуна:

— Старший брат Чу...

Цзян Ехун пребывал в глубоком смятении. Будь он по-прежнему вольным странником, он бы закрыл на это глаза и даже похвалил Жуань Цин за то, что разделалась с подонком. Но сейчас тот занимал место Чу Фэя, Первого ловца столицы. Он не мог попить закон, который для Чу Фэя был единственным праведным путем.

— Жуань Цин, — глухо произнес он. — Я хочу, чтобы ты сама пришла в Люшаньмэнь с повинной.

Женщина кивнула с явным облегчением:

— Я приду.

Покинув дом, Цзян Ехун шел по улице мрачнее тучи.

— А-Жо, правильно ли я поступил? Лю Юань годами истязал ее, он заслужил смерть. Будь я на ее месте, я бы тоже четвертовал такого гада, но...

— Не забывай, кто ты, — мягко прервал его Жун Жо. — Ты страж закона. Беды Жуань Цин вызывают сочувствие, но, как ты сам когда-то говорил, никто не имеет права вершить самосуд. Если каждый начнет подменять собой закон, мир погрузится в хаос.

Цзян Ехун вздохнул:

— Но если бы она этого не сделала, она бы никогда не избавилась от него. Осталась бы рабыней до конца дней. И Гао Юйянь тоже. Они ведь просто беззащитные женщины без денег и связей. Даже если бы они пошли в суд, Ли Фугуй и остальные просто откупились бы. Разве их обиды когда-нибудь были бы услышаны?

— Тогда ты мог бы просто скрыть правду, — Жун Жо взглянул на него с легкой хитринкой. — Но сможешь ли ты поступать так в каждом деле? Если так, то тебе лучше оставить службу в Люшаньмэнь и стать странствующим рыцарем. Гуляй по свету, карай злодеев по велению сердца — разве не об этом ты мечтаешь?

Цзян Ехуну нечего было возразить. Назначение обязывает. Он неловко почесал затылок.

— С виду ты кроткий, как кролик, а слова твои прямо в сердце бьют.

Жун Жо невинно улыбнулся:

— Я лишь говорю правду. Мир велик, и несправедливости в нем полно. Но если мы отбросим законы, чем мы будем отличаться от дикарей? Запреты рожают трепет в душах. Конечно, закон не всесилен, и всегда найдутся темные углы, куда не заглядывает свет, но именно правила делают эти углы менее многочисленными.

Жун Жо чуть наклонил голову, и солнечный луч заиграл в его прозрачных глазах, сделав их похожими на драгоценный синий хрусталь. Глядя на него, Цзян Ехун вспомнил события прошлой ночи, и он мгновенно вспыхнул.

— Чжао Чэнь с самого утра шумит... Пойдем... пойдем поедим.

После завтрака Жун Жо отлучился и вернулся лишь через два часа. Цзян Ехун всё это время просидел в раздумьях. Память подбрасывала ему обрывочные картины: вот он тянет Жун Жо к кровати... Неужели он действительно бесчинствовал во хмелю?

Зайдя в комнату, Жун Жо первым делом налил себе чаю. Заметив, что Цзян Ехун уткнулся лицом в стол, он спросил:

— Старший брат Чу, ты спишь?

Тот резко вскинулся, вновь заливаясь краской.

— Ты где был?

Жун Жо вытер капли воды с губ:

— Расспрашивал лодочников, которые катали Ли Фугуя и Лу Чана в тот день. Есть новости.

— Рассказывай скорее, не томи!

— Прислугу и повара для той прогулки нанимали заранее. Я поговорил со всеми. Выяснилось, что изначально разносить блюда должны были трое, но на борту оказался четвертый. Он сказал остальным, что его прислали в помощь, чтобы успеть вовремя. Никто из команды его раньше не видел. Но самое интересное — Ли Фугуй его узнал. Угадаешь, кто это был?

— Не тяни, — взмолился Цзян Ехун.

Жун Жо негромко рассмеялся:

— Ли Фугуй признал в нем своего слугу. Тот сказал, что его прислала госпожа Ли, чтобы приглядывать, дабы хозяин не перебрал с вином. В середине застолья Лу Чан проговорился о картине «Летающая небожительница», и гости настояли на показе. Именно этот слуга из дома Ли пошел за свитком. Увидев картину, Ли Фугуй побледнел и поспешил уйти.

Цзян Ехун нахмурился:

— Если госпожа Ли прислала своего человека на лодку, значит, Гао Ли и Гао Юйянь лгали. Этот слуга был первым, кто мог коснуться картины перед тем, как Ли Фугуй отравился. Но Гао Ли сам признался в убийстве под видом слуги... Значит...

— Либо Гао Ли как-то связан с этим человеком, либо...

— Либо Гао Ли и госпожа Ли — сообщники, и они вместе решили спровадить Ли Фугуя на тот свет, — закончил Цзян Ехун.

Жун Жо добавил:

— Остается одно «но». Ли Фугуй и его друзья годами жаждали сестер Гао. Почему же, увидев картину, он так разгневался и назвал ее «проклятой»? Если сестры пропали по вине слуги, чего Ли Фугую было бояться какого-то свитка?

Цзян Ехун потер переносицу.

— Голова кругом от этих загадок. Слишком много нитей переплелось.

— Глава Чу! Нашел! Нашел! — в комнату влетел возбужденный Чжао Чэнь.

— Кого ты нашел?

Чжао Чэнь вытер пот со лба, сияя от гордости:

— Я изучил записи покойного наставника и нашел того самого слугу, что следил за сестрами десять лет назад!

Цзян Ехун оживился:

— И что он говорит?

— Его зовут Сяо Пин. Десять лет назад он служил у Ли Фугуя. В тот день хозяин велел ему выследить сестер Гао. Но на полпути Ли Фугуй догнал его и велел... поменяться одеждой! Сам переоделся слугой и пошел за девушками, а Сяо Пину в господском платье приказал идти в бордель развлекаться. Когда всё закончилось, Ли Фугуй дал ему кучу денег и велел убраться из города. Тот вернулся в родную деревню, открыл лавочку и жил себе припеваючи.

Жун Жо удовлетворенно улыбнулся:

— Теперь всё сходится. Ли Фугуй, прикинувшись слугой, выследил сестер, желая обесчестить их. Завязалась драка, он столкнул их в реку и забрал нефритового единорога. Он был последним, кто видел их живыми, поэтому вид картины привел его в такой ужас.

Разумеется, Жун Жо понимал, что реальность была еще страшнее: Ли Фугуй, скорее всего, увидел, как одержимая Линлун расправляется с сестрами, и струхнул, но жадность пересилила страх, и он подобрал украшение.

Цзян Ехун решительно схватил меч:

— Идем. В дом Ли Фугуя.

Стража окружила поместье. Лян Юй, завидев такое количество вооруженных людей, сорвалась на крик:

— Что это значит?! Вы пришли меня арестовать?

Цзян Ехун спокойно ответил:

— Госпожа Ли, в день гибели вашего мужа, когда он отправился пить на лодке, вы ведь посылали за ним присмотреть?

Лян Юй холодно усмехнулась, не теряя своей надменности:

— И что с того? Послала человека, чтобы муж не напился до беспамьяства. Это теперь преступление?

Цзян Ехун едва заметно улыбнулся:

— Вовсе нет. Однако свидетели утверждают, что именно ваш слуга первым коснулся «Летающей небожительницы». Мы не собираемся вас арестовывать. Просто позовите этого человека, нам нужно задать ему пару вопросов.

Лян Юй на мгновение окаменела.

— Он уехал на родину.

— Тогда будьте добры, назовите его имя и адрес. Мы его найдем.

— Его нанимал дворецкий, — отрезала она. — Я ничего не знаю.

— Что ж, — Цзян Ехун прищурился, — тогда позвоните дворецкого. Я спрошу его сам.

<http://bllate.org/book/17428/1659561>